
© 2005 Е.Ф. Кринко
УДК 930 (091)
ББК 62.1 (2)
К 62

Проблемы духовного развития советского общества в годы Великой Отечественной войны: историографические аспекты

Аннотация:

Статья посвящена историографии проблем духовного развития советского общества в годы Великой Отечественной войны. Поведение людей в условиях войны определялось своеобразным сплавом чувств и эмоций, среди которых главное место занимала патриотическая идея. Многие жители восприняли победу в войне как глубоко личное дело. В то же время не все граждане разделяли принципы официальной идеологии, а накануне войны в стране насчитывалось немало недовольных. Автор статьи анализирует особенности современной историографии темы и перспективы ее дальнейшего развития.

Ключевые слова:

Великая Отечественная война, историография, духовное развитие, советское общество, массовое общественное сознание, патриотизм, пропаганда.

Проблемы духовного развития советского общества в годы Великой Отечественной войны относятся к числу традиционных историографических сюжетов, которые не раз привлекали внимание исследователей. Они находили отражение в фундаментальных трудах по истории Второй мировой войны и советского общества [1], в специальных работах, посвященных идеологической и массово-политической работе партии и комсомола в годы войны [2], советской интеллигенции [3], печати [4], культуре, музыке, литературе и искусству [5], науке и образованию [6] в годы войны. При этом в советской исторической науке освещение данных вопросов опиралось на положения о морально-политическом единстве советского общества, дружбе народов СССР, руководящей роли коммунистической партии, массовом героизме народа, его преданности социалистическим ценностям, тесно связывалось с воспитательными и пропагандистскими задачами. В результате картина духовного развития советского общества в годы войны изображалась упрощенно и односторонне.

Некоторые авторы недооценивали нацистскую пропаганду, считая, что «в силу своей лживости она не имела и не могла иметь никакого влияния на советских людей, что оккупанты не понимали глубины их веры в социализм» [7]. Описание патриотического подъема редко сопровождалось показом иных настроений, лишь в отдельных работах указывалось, что «воззрения врага поддержала лишь кучка изменников, идейных врагов коммунизма и Советской власти, буржуазных националистов, а также беспринципных приспособленцев – обывателей, махровых уголовников, которых оккупантам удалось использовать в борьбе против советских патриотов». При этом советские историки обязательно поясняли: «Но подобные отщепенцы не определяли духовный, морально-политический облик советского народа. Его определяли миллионы воинов, рабочих и колхозников, служащих, в огне войны доказавших свою

беззаветную преданность Коммунистической партии и социалистическому государству» [8. С.64].

Между тем, советское общество накануне войны вовсе не представляло собой единого монолита. Значительная часть граждан СССР была недовольна коллективизацией и раскулачиванием, антирелигиозной и национальной политикой. Это недовольство не могло не проявиться и в годы войны. Определить точное количество граждан, испытывавших в той или иной степени негативные чувства по отношению к власти, невозможно, органы НКВД вели решительную борьбу с различными проявлениями «пораженческих» настроений. Однако само принятие официальных решений по борьбе с «провокационными и ложными слухами», нередко квалифицировавшимися как проявления «контрреволюционной агитации и пропаганды», подтверждают, что подобные настроения имели место в СССР, как, впрочем, и в других странах в годы войны. Только количество граждан СССР, уклонившихся от военной службы, согласно современным исследователям, составляло более 1,5 млн. чел. [9].

Более или менее открыто недовольство советской властью проявлялось на оккупированной противником территории, выражаясь в различных формах сотрудничества граждан СССР с противником. В отдельных местах, особенно в западных районах, недавно вошедших в состав СССР, оккупантам были организованы торжественные встречи как освободителям от «большевистского рабства». Всего за годы войны на стороне противника выступило не менее 1 млн. советских граждан. Разумеется, не все из них являлись сознательными противниками советской власти, немало граждан, особенно военнопленных, пошло на сотрудничество, чтобы как-то выжить. В то же время для многих советских граждан, даже недовольных властью, сотрудничество с оккупантами оказалось невозможно в

силу жестокой оккупационной политики, а также патриотических чувств [10].

Мотивы участия советских граждан в различных патриотических движениях сводились в советской историографии, прежде всего, к верности народа социалистическим принципам. Однако современные публикации позволяют считать, что поведение большинства населения определялось своеобразным сплавом чувств и эмоций, среди которых главное место занимала патриотическая идея. Значительная часть населения восприняла победу в войне как глубоко личное дело. Людей спланивали общая беда, совместные трудности и лишения, стремление к сохранению независимой государственности и спасению своей семьи. Для части граждан, особенно молодежи, патриотические чувства соединялись с социалистическими ценностями, однако не все граждане разделяли принципы официальной идеологии.

Все это свидетельствует о том, что вопрос о духовном единстве советского общества требует дополнительного осмысления, как и проблемы развития межнациональных отношений в СССР. Представители всех народов СССР внесли свой вклад в победу в войне. Но в национальной политике СССР было немало противоречий, а депортации порождали основу для новых конфликтов. Сохранялись и отдельные негативные этнические стереотипы, в частности, антисемитизм, проявлявшийся в стране на бытовом уровне в течение всего столетия. Даже партизанские отряды в западных районах СССР создавались по национальному признаку (отдельно – литовские, белорусские, еврейские), а в оккупированных городах нередко существовала «атмосфера вражды и безразличия к судьбе евреев» [11].

Роль партии в годы войны сводилась к организаторской, идеологической и политической работе, героизму миллионов рядовых коммунистов и партийных руководителей. В советской историографии подробно рассматривалось превращение ВКП(б) в «воюющую партию», но не было раскрыто ее дальнейшее огосударствление в годы войны. В изучении данных вопросов сказывались и другие идеологические стереотипы и штампы.

Часть зарубежных исследователей и эмигрантов отстаивала выводы, противоречившие основным положениям советской историографии, о том, что большая часть советских граждан ненавидела сталинский режим, и лишь бездумная жестокость оккупантов заставляла оказывать им сопротивление. По словам Д. Карова: «Почти вся масса населения СССР ненавидела коммунистическую партию, всю советскую систему и олицетворявшего их Сталина, но волею обстоятельств вынуждена была драться в одном строю вместе со своим грабителем» [12]. Данный подход страдал преувеличением и упрощением, как и концепция о тоталитарном характере советского строя, основанная на представлении о «монолитности» советского общества. Появление подобных теоретических конструкций в немалой степени объясняется идеологическим противостоянием времен «холодной войны».

В то же время исследователи, опиравшиеся на глубокий анализ источников, высказали ряд интересных суждений о проблемах духовного развития советского общества. Еще в 1944 г. вышла книга В. М. Зензинова,

основанная на анализе писем, обнаруженных у погибших советских красноармейцев во время советско-финской войны [13]. Выводы автора о повседневной жизни граждан СССР накануне Великой Отечественной войны, их семейных отношениях и религиозных представлениях дополняют картину общественного сознания военного времени.

Многие западные историки отмечали высокие морально-политические качества советских людей, патриотизм и упорство советских солдат. Часть авторов указывала на изменения в советской пропаганде в годы войны, которая, по их мнению, повернула от классовых принципов к национальным ценностям. Советские историки не соглашались с ними, утверждая, что «магистральным путем идейно-политического воспитания трудящихся... была пропаганда беззаветного массового героизма советских людей в годы гражданской и Великой Отечественной войны, в защите завоеваний социализма. При всем этом партии не было чуждо обращение к лучшим патриотическим, боевым традициям освободительных войн народов нашей страны в прошлые века» [8. С.70, 287 – 288].

Определенные разногласия существовали между советскими и западными историками по вопросу о взаимоотношениях церкви и власти в годы войны. Зарубежные авторы говорили о «примирении между атеистическим государством и русской церковью». Советские исследователи выступали против «преувеличения» религиозной деятельности, считая, что «процент верующих среди населения Советского Союза, особенно среди военнослужащих, был незначительным», а отношения партии и государства к церкви в годы войны соответствовали «известным марксистско-ленинским принципам» [8. С.291].

В 1990-е гг. начался новый этап в развитии отечественной историографии, вызвавший определенные изменения и в осмыслении проблем духовного развития советского общества в годы войны. Во-первых, произошло сближение позиций многих современных отечественных исследователей и западных историков по ряду вопросов. Среди них – мотивы коллаборационизма, основные направления развития советской пропаганды, взаимоотношения церкви и власти, другие аспекты данной темы. Во-вторых, новые публикации документов позволяют представить палитру настроений в советском обществе как гораздо более сложную картину.

Введение в научный оборот новых источников дало возможность историкам обратиться к тем аспектам, которые до настоящего времени практически не разрабатывались. К ним, в частности, относятся настроения среди эвакуированных советских граждан. В советской литературе нашли отражение основные направления идейно-политической работы партии среди эвакуированных граждан, в их теплом приеме исследователи видели проявление братской дружбы народов, подтверждение справедливости советского строя. Однако культурные различия эвакуированных и местных жителей, общие трудности первых лет войны создавали немало проблем как материального, так и психологического плана, порождали озлобленность, проявлявшуюся в межличностных и групповых конфликтах.

Новым направлением в изучении темы стало изучение формирования образа «врага» в годы войны. Исследователи отмечают, что в советском обществе предвоенных лет отсутствовали антинемецкие настроения. По словам известного историка и участника войны М. И. Семиряги, «мы на фронте и в тылу не испытывали ненависти к германским солдатам» и рассчитывали на то, что немецкие рабочие и крестьяне поднимут восстание против фашизма [14]. Согласно другому исследователю, в начале войны многие советские граждане скептически воспринимали сообщения радио и газет о зверствах немцев, в чем сказывалась привычка не доверять официальной информации [15]. Постепенно захватчики приобрели черты жестокого, коварного и сильного врага, чьи действия возбуждали ответные ненависть и страх советского населения. Свою роль в этом сыграли пропагандистские органы, но созданный пропагандой образ нашел подтверждение для многих советских жителей в личных столкновениях с захватчиками. При этом в народном сознании отразились различные образы оккупантов, однако образ «врага» стал ассоциироваться, прежде всего, с немцем, приобрел отчетливые этнические черты.

Ненависть к врагу, пережитые тяготы военного времени, гибель родных и близких – все это не могло не сказываться и после освобождения советской территории. Немец сохранял свою враждебность даже тогда, когда не представлял прямой угрозы. Так, при прохождении колонны немецких военнопленных по улицам Москвы в 1944 г. со стороны горожан звучали выкрики: «Сволочи, чтобы они все подошли», «Почему вас не перебили на фронте» [16]. В представлениях обо всех немцах как фашистах и врагах исследователи видят истоки трагических эксцессов, имевших место при вступлении Советской Армии в Германию. Советское командование издавало приказы о необходимости пресекать мародерство, бессмысленные разрушения и грабежи, насилие по отношению к гражданскому населению. Впрочем, для большинства советских солдат ненависть и жажда мести жестокому и сильному врагу все же сменились великодушием и гуманностью победителей по отношению к поверженному противнику.

Противоречивую картину духовного облика фронтового поколения раскрывают получившие широкую известность в последние годы работы Е. С. Сеньявской. Она показывает факторы, определявшие его формирование на каждом из этапов войны; особенности духовного облика различных представителей фронтового поколения в зависимости от социального положения, пола, возраста, рода войск; механизмы формирования героических символов в войне [17].

В. С. Кожурин считает, что в годы войны главной причиной единения советского общества стали не идеологические мотивы, а чувство самосохранения: «чувство смертельной опасности объединило людей, дало обществу возможность консолидироваться на базе единства действий против фашистской угрозы». По его мнению, политика советского руководства, «защитающая, прежде всего, свою власть, свой строй и выражающая стремление подавляющего большинства советских людей уничтожить нависшую смертельную опасность», стала важным фактором национального единства, прежние противоречия между властью и обществом отошли на

задний план. В. С. Кожурин также отметил влияние событий войны на изменение сознания советских граждан: «Великая Отечественная война, пробудив в советском народе чувство достоинства, уверенности в своих силах, энергию, сыграла исключительную роль в формировании новых черт национального самосознания». Он считает, что победа разрушила иллюзии одних, породила сомнения у других. Люди, пережившие войну, иначе воспринимали мир. В то же время произошло усиление официальной пропаганды, которая, по словам В. С. Кожурина, «стремилась формировать в общественном сознании убеждение в том, что великие победы – доказательство крепости советской власти, преимуществ социалистического строя» [18].

Изменения духовного развития советского общества и массового общественного сознания в годы войны стало предметом изучения и других авторов [19]. Часть из них сохранила приверженность прежним положениям, считает, что «граждане СССР в большинстве своем были приверженцами социалистического строя с его принципом социальной справедливости». В то же время отмечается, что в массовом сознании «преобладал государственный патриотизм». Его истоки видятся в неразрывной связи «с тысячелетней историей России, евразийскими особенностями ее культуры, формировавшейся в условиях постоянной борьбы с врагами на Западе, Востоке и Юге» [20]. Таким образом, в объяснении мотивации поведения советских людей постепенно усиливается роль государственного фактора.

В целом, новые исследования позволяют раскрыть духовное развитие советского общества в годы войны как более сложную картину, предлагая различные точки зрения по данному вопросу. Подходы, сложившиеся в современной российской историографии в изучении проблем духовного развития советского общества в годы войны, основаны на своеобразном симбиозе различных научных и мировоззренческих принципов. Некоторых исследователей данных проблем отличает неопозитивистское стремление к объективности, выражающееся в «возвращении к документу и факту», другие авторы пытаются использовать разработки зарубежной социальной науки в освещении данных проблем.

Большинство исследователей соглашается с тем, что для значительной части населения патриотизм, вера в победу, ненависть к противнику, страх за судьбу своих близких оказались важными объединяющими факторами. В то же время сам процесс формирования подобных чувств и настроений, соотношенность классовых и национальных мотивов по-прежнему остаются предметом научной дискуссии. Следует не согласиться с теми авторами, которые сводят данный процесс к общему патриотическому подъему от кануна войны до ее окончания, в действительности он представлял собой более сложное явление. Формирование взглядов каждого отдельного человека происходило в зависимости от его индивидуальных психологических и социальных особенностей. Так, если большинство молодежи достаточно спокойно встретило известие о начале войны, будучи уверено в скорой победе, то у представителей старшего поколения, сохранявших воспоминания о невзгодах Гражданской войны и традиционное уважение к

германской технической мощи, оно породило немало опасений.

В ходе войны у каждого советского человека, в зависимости от его личного опыта взаимодействия с противником, выработывался свой образ «врага». Однако само его формирование являлось общим для духовного развития советского общества в годы войны. При этом чувства и настроения, складывавшиеся под воздействием первых неудач и продвижения вермахта по советской территории в 1941–1942 гг., отличались от эмоционального настроения советских граждан на последнем этапе войны.

К сожалению, большинство «новых» для отечественной историографии положений нередко представляют собой отражение уже известных западных концепций. Создание действительно новых в содержательном отношении трудов по данным проблемам связано с переосмыслением событий, происходивших в каждом конкретном регионе. На развитии чувств и настроений населения в каждом регионе сказывались обстоятельства, связанные как со своеобразием его исторического развития, социально-этническим составом, уровнем развития экономики, так и с положением в годы войны (в оккупации, на линии фронта, в глубоком советском тылу и пр.), стоявшими задачами и другими факторами.

В разработке местной проблематики региональные исследователи нередко руководствовались ролью «младшего брата» по отношению к центральной историографии, порой просто повторяя схемы, заложенные в обобщающих трудах. В результате формировалась унифицированная картина событий, основанная на идеологических принципах. Ее «осколки» во многом сохраняют свое значение и в настоящее время. В то же время общие тенденции развития отечественной историографии позволяют надеяться на определенные перемены и в осмыслении данных вопросов.

Примечания:

1. История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941 – 1945. В 6 тт. М., 1961 – 1965; История второй мировой войны. 1939 – 1945 гг. М., 1973 – 1982. Тт. 1–12; История СССР с древнейших времен до наших дней. М., Т.Х. 1973 и др.
2. Идеологическая работа КПСС на фронте (1941 – 1945 гг.). М., 1960; Комков Г. Д. Идеино-политическая работа КПСС в 1941 – 1945 гг. М., 1965; Кондакова Н. И. Идеологическая победа над фашизмом 1941 – 1945. М., 1982 и др.
3. Савельев В. М., Саввин В. П. Советская интеллигенция в Великой Отечественной войне. М., 1974; Меметов В. С. Партийное руководство деятельностью творческой интеллигенции в годы Великой Отечественной войны. Воронеж, 1985 и др.
4. Кононыхин Н. М. Партийная и советская печать в период Великой Отечественной войны. М., 1960; Попов Н. П., Горохов Н. А. Советская военная печать в годы Великой Отечественной войны. М., 1985 и др.

5. История советской музыки. 1941 – 1945. М., 1959. Т. III; Очерки истории советского кино. 1939 – 1945. М., 1959. Т. II; Комков Г. Д., Куманев В. А. К штыку приравняли перо... (Советская культура в годы Великой Отечественной войны). М., 1965; Суздалев П. Советское искусство в годы Великой Отечественной войны. М.–Л., 1965; Павловский А. Русская советская поэзия в годы Великой Отечественной войны. Л., 1967; Филиппов Б. Музы на фронте. М., 1975; Советская культура в годы Великой Отечественной войны. М., 1976; Максакова Л. В. Культура Советской России в годы Великой Отечественной войны. М., 1977; Культурное строительство в прифронтовых и освобожденных районах СССР в 1941 – 1945 гг. Сб. ст. М., 1985 и др.
6. Левшин Б. В. Академия наук СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1966; Круглянский М. Р. Высшая школа СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1970; Левшин Б. В. Советская наука в годы Великой Отечественной войны. М., 1983; Бурдей Г. Д. Историк и война, 1941 – 1945. Саратов, 1991 и др.
7. Ивлев И. А., Юденков А. Ф. Оружием контрпропаганды. Советская пропаганда среди населения оккупированной территории СССР. 1941 – 1944. М., 1988.
8. Источники победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 – 1945. М., 1985.
9. Бугай Н. Ф. Государственная политика в сфере национальных отношений в условиях «социалистического эксперимента» // Россия в XX веке: Проблемы национальных отношений. М., 1999. С.311.
10. См. подробнее: Кричко Е. Ф. Коллаборационизм в СССР в годы Второй мировой войны: старые и новые походы // The Soviet and Post-Soviet Review. 2003. Vol.30. № 2. P.143 – 170.
11. Ярославский И. Б. Антисемитизм в России. Прошлое? Настоящее? // Межнациональные отношения в России и СНГ. Семинар Московского Центра Карнеги. Выпуск 2: доклады 1994 – 1995 гг. М., 1995. С.199.
12. Каров Д. Партизанское движение в СССР в 1941 – 1945 гг. Мюнхен, 1954. С.7.
13. Зензинов В. М. Встречи с Россией. Как и чем живут в Советском Союзе. Письма в Красную Армию. 1939 – 1940. Нью-Йорк, 1944.
14. Семиряга М. И. Русские в Берлине. 1945 год // Международная жизнь. 1994. № 5. С.89.
15. Горинов М. М. Будни осажденной столицы: жизнь и настроения москвичей (1941 – 1942 гг.) // Отечественная история. 1996. № 3. С.12.
16. Немцы на улицах Москвы: год 1944-й // Отечественные архивы. 1997. № 4. С.47.
17. Сенявская Е. С. 1941 – 1945: Фронтовое поколение. (Историко-психологическое исследование). М., 1995; она же. Человек на войне. Историко-психологические очерки. М., 1997 она же. Психология войны в XX веке: Исторический опыт России. М., 1999 и др.
18. Кожурин В. С. Народ и власть (1941 – 1945 гг. Новые документы). М., 1995. С.4–6.
19. Козлов Н. Д. Общественное сознание в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945). СПб., 1995; Кондакова Н. И. Духовная жизнь России и Великая Отечественная война 1941 – 1945 гг. М., 1995 и др.
20. Великая Отечественная войны. Военно-исторические очерки. В 4 кн. М., 1999. Кн.4. Народ и война. С.11, 13.